

Заметки Махненко А.А. , начмеда АПЛ «К-35» в первом экипаже (Бульона Э.Г.)

В первые годы после прибытия в Западную Лицу наша подводная лодка «К-35» испытывала то «взлеты», то «падения»... Когда вам предлагают: с чего начать – с плохой вести или с хорошей, как правило, ответ следует - с плохой, чтобы потом порадоваться, узнав о вести хорошей. Поэтому и я начну с «падений».

Самое первое из них произошло почти сразу, как лодка ошвартовалась у пирса в Большой Лопатке, прибыв из Северодвинска в состав 11 дивизии 1 флотилии КСФ. Нас встречал командующий флотилией Герой Советского Союза вице-адмирал Сорокин А.И., который похвалил командира за отличную швартовку, поздравил экипаж с прибытием в состав славного соединения и пожелал нам, конечно, успехов в боевой и политической подготовке. После торжественного построения воодушевленный речью Сорокина А.И. личный состав корабля спустился вниз по своим заведованиям, а свободные от вахты начали готовиться к сходу на берег. Но буквально через несколько минут прозвучал сигнал аварийной тревоги, и по «Каштану» было объявлено о пожаре в восьмом отсеке. Как оказалось, там загорелся распределительный щит. Естественно, электропитание циркуляционных насосов соответствующего борта, обеспечивавших начавшееся расхолаживание реактора, было отключено, и пока они получили дублированное питание, седьмой (турбинный) отсек заполнился паром. Некоторые члены экипажа из числа находившихся в отсеке, пытаясь избежать ожогов паром, бросились в трюм. Однако командир отсека (КТГ) Л.П. Маслов не растерялся, сразу же дал необходимые в этой ситуации команды и предотвратил панику среди личного состава. Возгорание в соседнем отсеке было быстро ликвидировано. К счастью, обошлось без серьезных травм: лишь в единичных случаях имели место ожоги паром I степени. Правда, Леню Маслова, с пунцовым лицом, пришлось все же доставить в медпункт (второй отсек), где мне оперативно удалось выполнить необходимые лечебные манипуляции и привести его в нормальное состояние. Конечно, не обошлось и без дисциплинарных взысканий. В этом отношении пострадал командир 2-го дивизиона Е. Корчагин, который в нашем экипаже был недолго и вскоре его сменил С.Волков.

В последующем было еще несколько «падений», причем с более серьезными последствиями и даже, к несчастью, с летальным исходом. Так, в 1966 году, в состоянии глубокой депрессии из-за серьезных семейных проблем командир БЧ-2 Облицов Э.Н. застрелился, использовав пистолет, который вынес с лодки в жилой городок, пользуясь

тем, что на правах ответственного за хранение огнестрельного оружия офицеров лодки имел к оружейному сейфу доступ в любое время суток.

Весьма серьезное «падение» произошло в том же 1966 году, когда при возвращении с очередных учений, находясь на глубине около 100 м, при скорости более 20 узлов лодка налетела на гребень подводной скалы, избежав, к счастью, лобового столкновения. Сразу же был дан «пузырь» в среднюю группу ЦГБ, и лодка всплыла на поверхность. Как оказалось при расследовании причин этого происшествия, была допущена серьезная невязка (около 20 миль, причем, не совсем по вине командира БЧ-1 Э. Ушпалевича), в результате чего подводная лодка оказалась в зарубежных территориальных водах. При кратковременном всплытии она была обнаружена средствами береговой обороны Норвегии, правительство которой в связи с этим предъявило нашему правительству ноту протеста. Наказания последовали весьма суровые: командир получил НСС (предупреждение о неполном служебном соответствии), Э. Ушпалевич был исключен из партии (тогда была только одна партия – КПСС), разжалован в воинском звании на одну ступень (до капитан-лейтенанта), освобожден от занимаемой должности и направлен для дальнейшего прохождения службы в учебный отряд.

Вот такие помнятся «падения». К сожалению, из-за них наша лодка достаточно долго не могла «выбиться» в число передовых в дивизии. Вместе с тем, как было уже сказано, у «К-35» были и «взлеты», когда ей удавалось достойно поддерживать честь дивизии, флотилии и даже всего Краснознаменного Северного флота, получив отличные оценки на самом высоком уровне за выполнение ответственных задач. Справедливости ради надо отметить, что при выполнении этих задач «К-35» выступала как своего рода «палочка-выручалочка», а именно, - вместо других подводных лодок 11-й дивизии, которые готовились к соответствующим мероприятиям в плановом порядке, однако на заключительных этапах подготовки оказались «по техническим причинам» не готовыми, и в связи с этим выполнение соответствующих задач было возложено на нашу подводную лодку, практически, в «авральном» порядке.

Первым, кто выставил подводной лодке «К-35» оценку «отлично», как это не парадоксально (или высокопарно) звучит, стал первый в мире космонавт Юрий Алексеевич Гагарин во время своего визита на Краснознаменный Северный флот после выхода в море на «К-35» в декабре 1965 года. Об этом визите, к сожалению, не осталось никаких опубликованных воспоминаний непосредственных участников тех событий, если не считать выложенных в «Одноклассниках» в альбоме «Документы «К-35» воспоминаний Л.К. Молодых. Только в 2011 году, в преддверии 50-летия полета первого человека в космос,

когда в средствах массовой информации появились публикации тех, кому посчастливилось лично встречаться с легендарным Юрием Гагариным. В частности, в «Комсомольской правде» от 25 марта 2011 года была помещена статья капитана 1 ранга в отставке В. Кулиниченко «Как Юрия Гагарина в подводники посвящали!». Правда, рассказывая об этом событии, автор не скрывает, что сам он не был его участником и основывается на рассказе своего сокурсника по училищу А. Ефремова, тогда еще помощника командира, а впоследствии - командира «К-35».

Учитывая, что в этой публикации имеется ряд представляющих интерес сведений, о которых тогда мы не знали, привожу ниже ее полный текст:

«В летописи Северного флота записано: «Североморские лётчики по праву гордятся тем, что в их рядах служил первый в мире космонавт Ю.А. Гагарин». Но это немного не так. Юрий Гагарин не был морским лётчиком. Он состоял в рядах ВВС, которые взаимодействовали и прикрывали силы Северного флота, но не были в его составе. Так что здесь чисто профессиональная гордость за коллегу. А потом мы жили на одной земле и были в равной степени за неё в ответе. Поселки Луостари и Лиинахамари расположены поблизости друг от друга, а весь этот район в морском просторечии характеризовался как «Лихо на море», одним словом, не лучшее место на Кольском полуострове. Из Луостари Ю. Гагарин попал в отряд космонавтов. И только уже в 1965 году на вершине своей славы ему посчастливилось ещё раз побывать в этих местах при посещении в декабре Северного флота.

Во время этого визита он посетил и первую базу атомного подводного флота Западную Лицу, где на одной из подводных лодок флотилии вышел в море и был посвящён в братство подводников.

Как всегда у нас бывает, биографии героев должны быть всегда стерильно чистыми, поэтому все факты из их жизни просеиваются через многие фильтры, и всё сомнительное из них исключается. Героев делают такими, какими они угодны властям.

О малоизвестном факте из жизни первого космонавта я и хочу рассказать. Прошло уже 46 лет, и некоторые детали этого эпизода, рассказанные мне моим товарищем Анатолием Ефремовым, сокурсником по училищу Подводного плавания, стираются из памяти. А сам Толя Ефремов рано ушёл из жизни. Возможно, мои воспоминания прочтёт кто-нибудь из участников тех событий и дополнит детали.

В тот далёкий 1965 год я был назначен помощником командира на атомную подводную лодку с крылатыми ракетами «К – 131» проекта 675. Их почему-то относили к разряду многоцелевых, хотя шумность их была такая, что наши потенциальные

противники называли их «ревущими коровами». Но во всех других отношениях лодка была надёжной.

В конце декабря 1965 года мы пришли с новостройки на нашей ПЛАРК «К – 131» в родную базу Западная Лица. В Лице много было разговоров о недавнем посещении базы первым космонавтом мира Юрием Гагариным. Я попросил Анатолия Ефремова, непосредственного участника «крещения Гагарина в подводники», рассказать мне всё как было. Толя уже был старшим помощником командира атомохода, если не изменяет память, «К – 1», аналогичного нашему проекту.

Тогда, как бы сегодня сказали, Юрий Алексеевич был звездой первой величины. За ним чиновники всех рангов присматривали. Известно, что от чрезмерного рвения обычно и случаются всякие казусы. В те времена всё, что касалось подводного флота и космоса, было засекречено.

На мой вопрос о Гагарине, Ефремов ответил так: «Что хочешь услышать от меня? Мужик он отличный, наш, с океана, но над ним плотно работает система. Да, мы его посвятили в подводники, но немного не по правилам. Указание сверху. Об этом приказано было не распространяться, но кое-что тебе расскажу. Почему выбор пал на нашу лодку, не знаю. Но перед выходом нас, командира, меня и механика, замучили инструктажами работники полторганов. Они требовали не погружаться ниже перископной глубины. Но ты же знаешь, что плавание на этой глубине с опущенным перископом очень рискованно. Еле убедили их, что мы будем ходить на безопасной глубине 40 метров. Хотя чтобы стать настоящим подводником надо поплавать на рабочей глубине, для нашего проекта это 240 метров. Но в этот раз такую глубину мы должны были имитировать докладами. Сделали это, уведя Юрия Алексеевича из центрального отсека, где у него перед глазами были боцман на рулях и глубиномеры. А он лётчик, и ему всё это знакомо.... Предварительно ему разрешили посмотреть в перископ, после чего он сказал: «И через этот маленький глазок Вы общаетесь с миром?». Ему все наперебой стали объяснять устройство лодки, свита была внушительной, «знатоков» было, хоть отбавляй, все хотели попасть в историю. Ох, уже эта история, в неё вляпаться, потом... не отмоешься. Нам надо было с командиром доводить «спектакль» до конца. Всё прошло на высоте, без всяких издержек. Но, на мой взгляд, Юрий Гагарин понимал всё, но принял правила навязанной ему игры. Через полтора часа всплыли, пообедали в кают - компании, поговорили на различные темы, поздравили Юрия Гагарина со вступлением в братство подводников, чему он был несказанно рад. В честь этого события подарили ему нашу канадку (кожаная куртка из овчины, непременный атрибут офицеров-подводников).

Подарком он остался доволен, сказав, что ему в ней было бы гораздо удобнее в космосе, чем в скафандре. Вот так мы свозили первого космонавта в океан. И не его и не наша вина, что он так и не побывал на глубине 240 метров...». Так закончил свой рассказ мой товарищ Толя Ефремов, настоящий подводник. Сейчас времена другие, новые придуманные «традиции», которых мы не знали, и система вроде другая, но показуха со стороны других дядек – чиновников оказалась той же, и, даже, наверное, большей!... Выступая, после выхода в море перед подводниками Флотилии Юрий Гагарин высказал свои впечатления так: «Ваши подводные лодки так похожи на космические корабли, а вы все герои...». Далее он говорил о том, что знал и раньше о нелёгкой службе подводников, но не представлял всей её сложности...».

На правах непосредственного участника события, о котором речь идет в данной публикации, хочу дополнить, а по ряду позиций и уточнить сведения, содержащиеся в ней, и, кроме того, поделиться своими личными впечатлениями от посещения Ю.А. Гагариным 11 декабря 1965 года ПЛАРК «К – 35» (а не «К-1», как ошибочно указал автор публикации). В то время я был начальником медицинской службы этой подводной лодки. Мне посчастливилось не только обменяться с Ю.А. Гагариным несколькими фразами, непосредственно понаблюдать за тем, как он общается с окружающими в разных ситуациях, но и получить автограф первого космонавта мира на фотографии моего сына, родившегося в апреле 1964 года.

Эту фотографию я храню до сих пор как поистине историческую реликвию. Итальянская шариковая ручка (большая редкость в те времена), которой Юрий Алексеевич поставил свою подпись и которую он мне вслед за этим презентовал, к сожалению, не сохранилась...

К тому, что описано в публикации В. Кулиниченко, могу добавить несколько деталей. Прежде всего, следует сказать, что визит Ю.А. Гагарина вместе с тогдашним секретарем ЦК ВЛКСМ Б.Н. Пастуховым и помощником по комсомольской работе начальника Главного политуправления СА и ВМФ О.В. Зинченко, как стало известно позже, планировался первоначально на другую подводную лодку нашей дивизии такого же проекта (вроде бы, «К-22»), которая носила почетное звание гвардейской в память о дизель-электрической лодке «К-22», получившей звание гвардейской за подвиги в период Великой Отечественной войны). Однако в последний момент, вечером 10 декабря, оказалось, что эта лодка не готова выйти в море из-за

технических неполадок с главной энергетической установкой. Поэтому к полуночи, практически по боевой тревоге, экипаж моей лодки, который до этого даже не знал о предстоящем визите высоких гостей, был собран на борту, а рано утром 11 декабря оба реактора уже были выведены на МКУ (минимально контролируемый уровень) мощности. Командир лодки Э.Г.Бульон доложил командующему флотилией о полной готовности лодки к приему высоких гостей и выходу в море. Ночью на лодку были загружены деликатесные продукты, коньяк, а приготовление пищи было поручено двум многоопытным мичманам – кокам из береговой столовой, в которой питалось командование и штаб флотилии. Около 10.00 на лодку прибыли три высоких гостя в сопровождении командующего Северным флотом адмирала С. М.Лобова, начальника политуправления флота вице-адмирала Ф.Я.Сизова, нескольких офицеров штаба флота и флотилии, ряда других лиц. Об инструктаже командира, старпома и механика со стороны соответствующих работников в отношении «директивной» глубины погружения (о чем рассказал В. Калинин) я, конечно, как и все другие члены экипажа, кроме командования, тогда не знал. Во всяком случае, мне об этом, в частности, стало известно только из публикации в «КП».

До погружения лодка должна была в течение определенного времени идти по извилистому фиорду до открытой воды, поэтому Ю.А. Гагарин и его спутники получили возможность побыть достаточно долго на мостике лодки в презентованных им новеньких «канадках».

Надо сказать, что этот день был весьма морозным, поэтому вода в заливе «парила», из-за чего видимость была практически нулевой, во всяком случае, берегов по обоим бортам не было видно, и лодка двигалась как в «молоке». На гостей на мостике это произвело ошеломляющее впечатление.

Безопасность и точность движения лодки в таких условиях, как известно, зависит только от мастерства и безупречной согласованности действий штурмана, радиометристов, гидроакустиков и рулевых-сигнальщиков, объединенных действиями и волей командира корабля. После погружения высокие гости, пообедав, в сопровождении «главного экскурсовода», в качестве которого командиром был определен Л.К. Молодых, замполита К.Г. Баркова, а также нескольких свободных от вахты офицеров лодки, в числе которых был и я, прошли по всем отсекам с первого по десятый.

При этом они задавали вопросы подводникам, интересуясь как техническими, так и бытовыми аспектами их службы, рекомендовали подумать о продолжении службы в

качестве сверхсрочников. Ю.А. Гагарин при этом охотно раздавал автографы на всем, что у моряков оказалось под рукой (от наспех выполненных рисунков, открыток и т.п. вплоть до личных документов).

Насколько я помню, автограф Ю.А.Гагарина оказался даже на одной из страниц удостоверения личности Л.К. Молодых). Большой интерес вызвал у гостей, в частности, шестой, реакторный, отсек, который на подводном атомоходе отличается особой чистотой, ярким освещением, строгим, но приятным интерьером.

Но особо впечатлил Ю.А. Гагарина пульт управления главной энергетической установкой, который он, внимательно осмотрев, оценил как не уступающий по сложности и технической насыщенности системе управления космическим кораблем. Более того, он удивился

обилию на пульте управления ГЭУ цифровых и стрелочных показывающих приборов, кнопок, различного цвета сигнальных лампочек на мнемосхемах и сказал, что понимает, насколько сложной техникой приходится управлять вахтенной смене офицеров. При этом его слова прозвучали совершенно искренне, без всяких признаков преувеличения.

Здесь уместно отметить, что Юрий Алексеевич, который к тому времени, будучи уже общепризнанным национальным героем с мировой известностью, побывавшим в десятках стран мира, где общался с первыми лицами, включая даже английскую королеву, на протяжении всего этого визита вел себя без даже мельчайших проявлений «звездности»: абсолютно непринужденно, естественно, открыто, доброжелательно, здороваясь в каждом отсеке со всеми за руку, оставаясь одинаково ровным и внимательным в общении по отношению, что к матросу, что к адмиралу. Следует также отдать должное и его чувству юмора. Так, во время обеда за столом в кают-компании он,

подняв рюмку с коньяком, сказал, что неплохо быть подводником: «и кормят превосходно, и даже выпить дают».

Перед убытием с корабля Ю.А. Гагарин презентовал командиру подводной лодки Э.Г. Бульону свою фотографию с автографом, а на своем портрете из журнала «Огонек», который кто-то из экипажа сумел найти, оставил свой автограф с добрыми пожеланиями

личному составу ПЛАРК «К-35», а также сделал памятную запись в историческом журнале корабля: «Отличный боевой корабль. Большая честь служить на нем. Товарищи моряки! Вам доверено грозное боевое оружие. Умело владейте им. Зорко охраняйте границы нашей Родины, мирный труд наших людей. Будьте продолжателями славных боевых традиций североморцев!»

Еще один «взлет» «К-35» произошел летом 1967 года. Это был год 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции (как ее тогда называли).

Страна готовилась к празднованию этой даты.

Предстояло также посещение Краснознаменного Северного флота высшими руководителями КПСС и советского правительства. В связи с этими событиями на флоте был предусмотрен целый ряд мероприятий и составлен план подготовки к их проведению. В числе их была показательная (перед руководителями партии и правительства) ракетная стрельба атомной подводной лодки 675 проекта двумя ракетами по учебной морской цели. В тот период строительство таких лодок в СССР только начиналось в ответ на форсированное строительство авианосцев в США. Задачи по выполнению показательной ракетной стрельбы первоначально возлагались на подводную лодку нашей 11-й дивизии (если не ошибаюсь, на «К-172»), экипаж которой достаточно долго готовился к ее выполнению. Примерно дней за 10 до даты стрельбы, когда ракеты были уже загружены в контейнеры этой лодки, оказалось, что при проверках не удастся убедиться в наличии необходимой «стыковки» бортовой аппаратуры ракет с системой управления ракетной стрельбой на подводной лодке (за точность такой характеристики этой неполадки не ручаюсь, но в памяти осталось именно такое объяснение). Для страховки от возможного срыва ответственного мероприятия командованием была назначена наша «К-35». Несмотря на то, что первый экипаж по плану готовился в отпуск (получены проездные документы, у кого-то - санаторные путевки и т.п.) и практически завершил передачу лодки

второму экипажу, последовала команда «отставить отпуск, всё вернуть в исходное». В общем, еще раз подтвердилось незыблемое флотское правило: «Не спеши выполнять, так как может последовать команда «отставить». В итоге наш экипаж «в авральном порядке» принял переданные накануне дела и матчасть у второго экипажа, а лодка совершила переход из Западной Лицы в Пала-губу (г. Полярный) и ошвартовалась у пирса под погрузку ракет рядом с «К-172». Командованием флота было назначено конкретное время «Ч», при наступлении которого в случае, если неполадки на «К-172» не будут устранены, задачи по подготовке и проведению ракетной стрельбы передаются на «К-35». Это время наступило и явилось началом еще одного «взлета» к успеху нашего экипажа.

К утру следующего дня две ракеты были загружены в контейнеры, необходимые проверки прошли успешно, и командир «К-35» Э.Г.Бульон доложил руководству о готовности корабля к выполнению задачи. После этого лодка совершила переход в район Северодвинска, где несколько дней находилась в ожидании дальнейших распоряжений. В один из этих дней внезапно поступила команда экипажу построиться на верхней палубе. Построились быстро. Спустя примерно полчаса мимо нас прошел крупный морской катер, на борту которого была группа военных, среди которых отчетливо выделялась высокорослая фигура министра обороны, в тот период Маршала Советского Союза Гречко А.А. Видимо, предварительно министру и сопровождавшим его лицам решили продемонстрировать подводную лодку, которая будет выполнять ракетную стрельбу.

31 мая 1967 года корабль совершил переход в назначенный полигон Белого моря и произвел пуск двух ракет (залпом с промежутком в 1 минуту), после чего полными ходами в подводном положении последовал в Западную Лицу. На одном из сеансов связи ночью было получено радио следующего содержания: «Командиру подводной лодки. Объявляем благодарность личному составу подводной лодки за отличную стрельбу. Л. Брежнев, А. Косыгин». Эта благодарность была впоследствии официально занесена в личные дела всех офицеров «К-35», находившихся на борту в период стрельбы (кстати, по команде «Боевая тревога! Ракетная атака!» начальник медицинской службы лодки прибывал во второй отсек (отсек управления ракетной стрельбой), включался в группу записи и выполнял при пуске ракет соответствующие функции, так что эта благодарность мной была получена за фактическое участие в ракетной стрельбе, оказавшейся успешной, а не за то, что в это время я просто присутствовал при этом). На следующем сеансе связи поступило радио от ЧВС ВМФ адмирала В.М. Гришанова, который поздравил командира и экипаж подводной лодки в связи с образцовым выполнением задания командования, а также рекомендовал ответить на благодарность, полученную от Л.Брежнева и А.Косыгина. Зам. командира по политчасти

К.Г. Барков в этом походе не участвовал (он, будучи большим специалистом по художественной самодеятельности, был оставлен в базе для подготовки планировавшегося концерта в Доме офицеров для руководителей партии и правительства силами моряков флотилии). Вместо него на борту находился какой-то прикомандированный политработник (фамилию не помню), но подготовку текста ответного радио Л.Брежневу и А. Косыгину командир поручил мне как несущему всегда «односменную и постоянную вахту», а, кроме того, и как заместителю секретаря бюро парторганизации корабля. Если учесть, что основная идея такого ответа - это вроде как «благодарим за благодарность», то написать внятный, развернутый и «благозвучный» текст на эту тему, да еще в такой адрес, да еще в 3 часа ночи, причем, в считанные минуты, чтобы передать радио в период того же сеанса связи – задача не из очень простых. Тем не менее, текст был составлен, отредактирован командиром и незамедлительно отправлен по назначению.

Около 6.00 1 июня 1967 года «К-35» прибыла в Западную Лицу и одиноко ошвартовалась у одного из пирсов. Экипаж был построен на верхней палубе. Командир дивизии капитан 1 ранга В.П. Маслов (через несколько лет он стал командующим Тихоокеанским флотом) поздоровался с экипажем, весьма сдержанно (сухо и без эмоций, вроде как по случаю рядового события) поздравил экипаж и основное внимание в своем кратком выступлении уделил необходимости немедленно приступить к большой приборке, «все вычистить, вылизать, надраить и т.д.», поскольку на лодку, мол, непосредственно должны будут спуститься через люк 10-го отсека, пройти через все отсеки и выйти через люк 1-го отсека руководители партии и правительства. То ли это планировалось, то ли предполагалось командованием дивизии и флотилии (а вдруг, захотят), но как бы там ни было, с пирса были установлены, кроме основного, еще два трапа: напротив кормового и носового спасательных люков. Мне было приказано выделить необходимое количество марлевых бинтов для того, чтобы обмотать ими леера всех трапов, что и было исполнено. На пирсе, напротив ограждения рубки был установлен большой стенд с изображением (в разрезе) подводной лодки 675 проекта со всеми ее отсеками, контейнерами, устройствами и особенностями. Командир лодки Э.Г. Бульон стоял у щита с большой указкой по стойке «смирно». Экипаж был построен на верхней палубе носовой надстройки, а сама наша славная подводная лодка «К-35» предстала во всей красе: с опаленными газоотбойниками 2-го и 4-го контейнеров и обожженными во многих участках прорезиненными покрытиями легкого корпуса.

Около 10.00 к противоположному борту пирса причалил белоснежный быстроходный катер. Вначале на пирс резво спрыгнули два «пассажира» крепкого

телосложения, а затем, не спеша, по установленному матросами трапу спустились все члены представительной «делегации», которые, как мы узнали потом, наблюдали за ракетной стрельбой «К-35» в Белом море с борта крейсера «Мурманск».

В составе прибывшей «делегации», в частности, были: Л. Брежнев, А. Косыгин, Д. Устинов (тогда еще гражданский член Политбюро), министр обороны А.Гречко, Главком ВМФ С. Горшков, командующий КСФ С. Лобов, член Военного Совета КСФ Ф.Я. Сизов, ряд других высших военных чинов и гражданских лиц.

Командующий 1-й флотилией А.Сорокин, стоявший уже на пирсе с командиром дивизии, доложил Брежневу, отступил назад, а Брежнев сразу же направился к командиру

лодки, стоявшему у станда.

Однако, вспомнив, что вначале надо поприветствовать экипаж, остановился у самого края станда, выглянул из-за него, чтобы увидеть экипаж и, приложив руку к шляпе, произнес: «Здравствуйтесь, товарищи подводники!», после чего сразу, не дождавсь ответного приветствия, отошел

по направлению к Э.Г.Бульону, и загороженный стандом оказался вне поля зрения большей части экипажа. Возникла пауза у экипажа с ответным приветствием (вроде не с кем здороваться, ведь Брежнева практически не видно из-за станда), а у Э.Г.Бульона образовалась естественная задержка с началом доклада, поскольку он вынужден был ждать ответного приветствия экипажа. Здесь надо сказать, что ответное приветствие экипаж репетировал неоднократно под руководством старпома.

«С отличным выполнением ракетной стрельбы». В центре — Л.И. Брежнев и командующий флотилией АПЛ вице-адмирал А.И. Сорокин, крайний слева — А.Н. Косыгин, справа — командир «К-35» капитан 1 ранга Э.Г. Бульон. *Западная Лица, 1 июня 1967 г.*

Поскольку должность Брежнева включала много слов («Товарищ Генеральный Секретарь Центрального комитета Коммунистической... и т.д.»), в ответном приветствии было решено просто прокричать: «Здравия желаем!» и все. Так вот, поскольку задержка с ответом уже начала достигать недопустимых границ по времени, старпом «громким шепотом» выдохнул:

«ЗДОРОВАТЬСЯ!», на что тут же прозвучало громогласное: «Здравия желаем!», и Э.Г.Бульон сразу же начал произносить первые слова доклада...

Как оказалось, зря мы «мыли шею» (кроме внеочередной и усиленной большой приборки, израсходовали на леера трех трапов не один десяток стерильных бинтов), так как никто из высоких гостей и не думал спускаться в лодку (особенно расстроился в связи с этим замполит К.Г. Барков, который к нашему возвращению из Белого моря успел прибыть на корабль, но в строю с экипажем не стоял, а находился все время в десятом отсеке с историческим журналом в руках, чтобы получить памятную запись генсека, и поэтому, конечно, ничего не видел. А в наилучшей позиции, кстати, оказался Л.К. Молодых, который в это время находился не в строю, а на мостике лодки и наблюдал за всем происходящим с высоты). Интересно было видеть, как министр обороны А.Гречко, оказавшийся почему-то не в центре группы, окружавшей командира лодки, и имевший, видимо, проблемы со слухом, пытался лучше уловить слова доклада Э.Г.Бульона, приставив ладонь к уху «лодочкой» и перегнувшись с высоты своего роста через головы коллег.

После доклада Э.Г. Бульона и его ответов на несколько вопросов высокие гости сразу проследовали на берег с тем, чтобы обойти еще несколько пирсов, у которых с обоих бортов стояли другие подводные лодки с экипажами, построенными на верхних палубах.

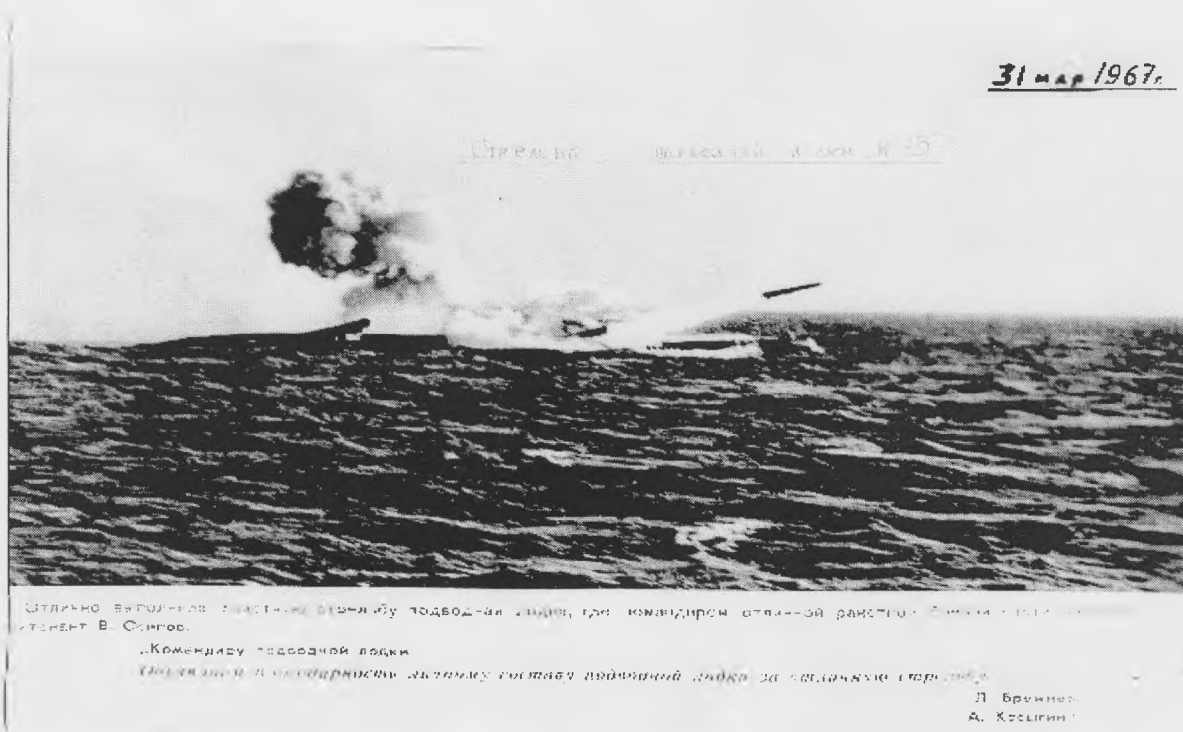
Затем целая вереница автомобилей повезла всю «делегацию» в жилой городок, где возле Дома офицеров высокие гости пообщались с населением. Был необычайно теплый солнечный день, поэтому, как рассказывают очевидцы, Брежнев в беседе с жителями городка сказал, что, мол, здесь у вас

хоть и Заполярье, но совсем не холодно, так что жить здесь можно вполне комфортно. Кстати, практически, на следующий день пошел снег...

Вот так экипаж нашей «К-35» реабилитировался за прошлые «грехи», заслужил отличную оценку на самом высоком государственном уровне, и, полагаю, что вряд ли в последующем личный состав какой-нибудь другой подводной лодки был удостоен такой чести в виде благодарности Л.Брежнева и А. Косыгина. Не случайно, как мне кажется, наш командир Э.Г. Бульон в дальнейшем был назначен на ответственную должность в Главном штабе ВМФ и получил звание контр-адмирала, а командир БЧ-2 В.В. Осипов, окончив

адьюнктуру в Военно-морской академии, защитил кандидатскую диссертацию и вырос до заместителя начальника кафедры. Существенно продвинулись по службе и многие другие офицеры нашего экипажа.

В конце января 1968 года я попрощался с экипажем «К-35» и ушел к новому месту службы. Через некоторое время мною из Западной Лицы была получена фотография с изображением ракетной стрельбы «К-35» в Белом море. Этот снимок был сделан с борта крейсера «Мурманск», на котором находились руководители партии, правительства и сопровождавшие их лица. Несмотря на существовавший в то время строжайший режим секретности в отношении атомных подводных лодок, эта фотография была опубликована в открытых средствах массовой информации и даже растиражирована в ограниченном количестве экземпляров.

На обороте полученной мной фотографии были проставлены автографы Э.Г. Бульона (командира АПЛ), К.Г. Баркова (замполита), Б.М. Маслова (старпома), Л.К. Молодых (механика), А.С. Логинова (командира БЧ-4, нач.РТС), С.Н. Волкова (командира 2-го дивизиона БЧ-5), В.В. Осипова (командира БЧ-2), В. Ванышева (помощника командира), А. М. Тазина (начхима), А.С. Матерова (штурмана). Можно себе представить, какое волнение и какие чувства по отношению к ним и всем другим своим соратникам по экипажу я испытываю до сих пор, когда смотрю на эту фотографию.

50-летний юбилей «К-35», празднование которого намечено на День ВМФ – 26 июля 2015 года, позволяет нам вернуться через десятилетия в прошлый век, вспомнить суровые

будни и светлые дни нашей молодости, вспомнить друзей-товарищей по экипажу и с высоты прожитых лет оценить ту бесценную «школу прочного корпуса», которая позволяла нам тогда и позволяет, я уверен, до сих пор, несмотря ни на что, радоваться жизни и успешно преодолевать трудности и невзгоды как в тех, так и в нынешних условиях.

Безмерно жаль, что до этого юбилея дожили не все, с кем мне довелось служить в первом экипаже «К-35». Насколько мне известно, в разные годы уже ушли из жизни: Э.Г. Бульон, К.Г.Барков, В.В. Анохин, А.А. Ефремов, Э.Н. Ушпалевич, А.М. Тазин, С.Н. Волков, В.В. Осипов, З.С.Матияс, Б.М. Маслов. Буду помнить их до конца жизни и, конечно, вместе со всеми, кто сможет собраться на юбилейную встречу в День Военно-Морского Флота 26 июля 2015 года в Санкт-Петербурге, обязательно подниму за них поминальный тост (в составе третьего тоста).